

О. Л. Мороз

**ИСТОЧНИК СУДЕБНОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА
КАК КЛАССИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК
СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ**

В современной науке классификация играет существенную роль, являясь одним из важных аспектов системного подхода к изучаемым явлениям. Классификация доказательств имеет не только научный и познавательный характер, но и весьма существенное практическое значение. Правильно построенная научная классификация предопределяет особенности собирания доказательств, их исследования, проверки и оценки.

Классификация доказательств с точки зрения их процессуальной формы традиционно производится по источнику доказательства на личные и вещественные (предметные)¹. Но при этом среди ученых-процессуалистов как прежде, так и ныне нет единства в части отнесения отдельных средств доказывания к личным или предметным и, в частности, разногласия возникают в отношении заключения экспертов и письменных доказательств. Так, русский процессуалист А. Х. Гольмстен предлагал деление доказательств на вещественные и личные. При этом к вещественным автор относил вещи в общем смысле и письменные акты, а к личным – показания свидетелей, в том числе так называемых окольных людей и экспертов².

Другой подход предложил известный советский ученый К. С. Юдельсон, который к личным, кроме объяснений сторон и

третьих лиц, показаний свидетелей и заключения эксперта, относил и письменные доказательства, ссылаясь на то, что источником письменного доказательства всегда является конкретное лицо, и не имеет значения, что его содержание закреплено на материальном объекте³.

Эта позиция поддержана В. И. Коломыцевым, полагающим, что письменные доказательства относятся к доказательствам личным, вследствие чего им присущ процесс формирования личных доказательств. С его точки зрения, «закрепление полученных человеком сведений на материальном предмете с помощью отдельных условных знаков не меняет источника сведений, а лишь облегчает субъекту их сохранение⁴.

Ряд ученых-процессуалистов однозначно не определяют место письменных доказательств в классификационной системе. В частности, В. М. Семенов к личным доказательствам относит такие средства доказывания, как объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей и заключения экспертов. К предметным – письменные и вещественные доказательства. Однако здесь же автор указывает, что письменные доказательства «обладают спецификой, поскольку, в конечном итоге, составляются определенным лицом... Поэтому не исключено выделение письменных доказательств в самостоятельную группу или отнесение их к смешанным доказательствам»⁵.

А. К. Сергун выделяет в исследуемой классификации личные, письменные и вещественные либо допускает выделение трех других видов – личные, вещественные (вещи и документы) и смешанные (заключения экспертов). Вслед за С. В. Курылевым⁶ автор обосновывает выделение смешанных доказательств тем, что «они имеют самостоятельную природу и извлекаются судом сразу из двух источников – личного и вещественного. Источником получения сведений здесь служит, с одной стороны, сведущее лицо (эксперт), с другой – вещи, которые он исследует»⁷. Позицию С. В. Курылева поддержали также И. В. Решетникова⁸, Г. Л. Осокина⁹, О. Н. Здрок¹⁰.

По мнению М. К. Треушникова, лица и вещи (предметы материального мира), подвергшиеся определенным воздействиям, выступают в качестве носителей сведений о фактах, источников, на которых различным способом закреплена и сохранена информация. М. К. Треушников указывает: «Если сведения о фактах исходят от человека и доводятся до суда человеком – налицо личное доказательство. Если же сведения о фактах «омертвлены» на предметах неживой природы, вещах, это – вещественное доказательство». Таким образом,

М. К. Треушников все средства доказывания разделяет на два вида: личные (объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, заключения экспертов) и предметные (письменные и вещественные доказательства), аудио- и видеозаписи¹¹.

Данная точка зрения, являясь достаточно распространенной среди ученых-процессуалистов¹², тем не менее вызывает возражения.

На наш взгляд, если мы ведем речь об источнике доказательств как классифицирующем признаке, необходимо выяснить как юридическую, так и гносеологическую природу этого понятия.

Источники доказательства – это те материальные объекты, которые являются носителями сведений об устанавливаемых судом фактах. Источниками доказательств служат люди и разнообразие предметы материального мира, которые содержат информацию об искомым фактах. А. С. Козлов, по нашему мнению, совершенно верно определяет источники доказательств как «предусмотренные правилами допустимости предметы и физические лица, состояние которых (часть их состояния) потенциально способны в рамках юридического познания дать относимую и допустимую информацию об обстоятельствах, имеющих значение для правильного и быстрого разрешения правового конфликта»¹³.

Необходимо отметить, что нельзя смешивать понятие «источник доказательства» со средствами доказывания, называя последние источником доказательств, как это делает Д. М. Чечот, который раскрывает содержание определения, данного в законе, утверждает, что судебными доказательствами являются факты объективной действительности (фактические данные), так и средства установления этих данных (источники сведений о фактах)¹⁴.

Источники доказательств – не средство доказывания, поскольку ими ничего не доказывается: доказательственную силу имеют только почерпнутые из этих источников сведения о фактах, имеющих значение для дела. «Источник – то, что дает начало чему-нибудь, откуда исходит что-нибудь»¹⁵. В этой связи стоит согласиться с С. В. Курьевым, который считает, что «источник, носитель какого-либо явления, в том числе и доказательства, не может быть одновременно и элементом этого явления, т. е. его составной частью; источник явления должен находиться вне этого явления»¹⁶.

С точки зрения теории информации состояние предметов, «след» в сознании очевидцев, участников конфликтной ситуации есть ничто иное как «потенциальная информация», «информация в себе». Носи-

тели этой информации потенциально готовы к тому, чтобы при определенных условиях предоставить суду эту информацию, т. е. выступить источниками этой информации.

Но только ли эта информация представляет интерес для суда? Очевидно, что нет. Для субъекта судебного познания важна не только информация об искомых обстоятельствах дела, но и в целом о состоянии источника, сохраняющего и передающего эту информацию. Так, судом учитывается способность человека получать информацию, сохранять, перерабатывать, воспроизводить ее, способность предметов при взаимодействии с различными явлениями изменять свое состояние, хранить информацию, участвовать в процессах передачи. Это необходимо для того, чтобы наряду с относимостью и допустимостью доказательств определить и их достоверность. Очевидно, что суд в основу решения должен класть только те доказательства, в истинности которых он не сомневается.

Проверка доказательств означает изучение комплекса явлений, составляющих процесс формирования доказательства, сопоставление сведений о фактах, полученных из разных источников с целью установления достоверности доказательства. Например, показания свидетеля могут не соответствовать действительности не только ввиду его неправдивости, но и в силу ошибок, допущенных при восприятии, недостатков в сохранении и воспроизведении воспринятого. В этом случае интерес будут представлять как объективно существующие факторы (погодные условия, время суток), так и факторы субъективного характера (острота зрения, слуха, внимание, уровень развития интеллекта, возраст свидетеля).

Исходя из всего вышесказанного представляется, что помимо информации, которую несет источник, интерес представляет и внутренняя структурная организация этого источника.

Источник судебного доказательства, как носитель определенной информации, проходит в своем развитии три стадии. Первой стадией является восприятие (если мы говорим о человеческом сознании) или закрепление (если мы говорим о предмете материального мира) сведений об обстоятельствах дела. Второй – сохранение полученной информации в сознании человека либо на предмете. И третья, завершающая стадия – воспроизведение и доведение до суда воспринятой и сохраненной информации о произошедшем событии.

В связи с этим мы не можем согласиться с мнением С. В. Курылева, что только личным доказательствам присущи стадии восприятия, сохранения и воспроизведения¹⁷. Полагаем, что эти стадии про-

ходит в своем развитии источник любого доказательства. Не каждый человек, не каждый предмет может служить источником доказательства. Источником доказательства он станет только в том случае, если пройдет в своем развитии этапы восприятия (закрепления), сохранения и воспроизведения (извлечения) информации. Отсутствие хотя бы одного звена в этой системе не позволяет использовать это физическое лицо или предмет материального мира в качестве источника доказательства ввиду того, что в этом случае разрывается информационный «канал связи» между произошедшим событием и субъектом судебного познания.

Таким образом, представляется, что источник доказательства, который в конечном итоге является человеческое сознание, равно как и предмет материального мира, обладает устойчивой (неразрывной) внутренней организацией – восприятие (закрепление) – сохранение – воспроизведение (извлечение).

Такой подход к пониманию источника юридического доказательства, его гносеологической природы не позволяет отнести к личным доказательствам заключение эксперта и письменные доказательства.

В заключении эксперта устанавливаются такие сведения о фактах, источником которых не может быть ни эксперт, ни материалы, которыми он пользовался, если брать их в отдельности. Доказательством будет являться лишь результат исследования экспертом предметов материального мира, итогом которого является заключение.

Применительно к внутренней структурной организации источника такого доказательства как заключение эксперта это проявляется во «внутреннем разрыве» рассмотренной системы – восприятие – сохранение – воспроизведение. На этапах восприятия (или, что здесь более уместно, закрепления) и сохранения, информация сосредоточена, как правило, в рамках предмета материального мира, на котором произошло действие зафиксировано непосредственно. Дальше без помощи эксперта эта информация «пройти» не может. Суд потому-то и прибегает к помощи эксперта, что он сам из-за отсутствия необходимых специальных знаний не может извлечь из этого источника информацию, необходимую для установления определенного факта. В этом и проявляется внутренний разрыв – информация сосредоточена в двух субстанциях, причем ни одна из них в отдельности не может представить суду сведения о фактах. Источник доказательства в этом случае является комплексным, составным, что не наблюдается с источниками других доказательств.

Существует еще одна специфическая особенность заключения эксперта, которая не позволяет отнести его к личным доказательствам. При оценке объяснений сторон и других юридически заинтересованных в исходе дела лиц, а также свидетельских показаний суд учитывает субъективные особенности личности, представляющей соответствующее доказательство, в то время как при оценке заключения эксперта – не только само заключение, имеющее субъективную «окраску», но и характеристики исследуемого объекта, существующие объективно. Недоброкачественность заключения эксперта как доказательства может явиться результатом недоброкачественности как одной составляющей источника (например, некомпетентности эксперта), так и другой (недоброкачественности или недостаточности материалов, на которых основано это заключение), что должно быть учтено судом при исследовании и оценке заключения эксперта. В связи с этим представляется правильным отнесение заключения эксперта к самостоятельному виду доказательств, предложенного в свое время С. В. Курылевым – к смешанным доказательствам¹⁸.

С изложенной позиции понимания источника доказательства представляется правильной точка зрения на письменные доказательства как на разновидность предметных.

Источником письменных доказательств служит объект материального мира, предмет. Кроме того, как свидетельствует судебная практика, в качестве письменных доказательств используется большая группа предметов, авторство которых значения не имеет (жетоны, бирки, товарные знаки и тому подобные предметы материального мира, которые могут содержать информацию об искомых фактах).

Процессуальная форма письменных доказательств в основных чертах совпадает с процессуальной формой предметных доказательств и, наоборот, существенным образом отличается от процессуальной формы личных доказательств. Например, к письменным доказательствам не применима основная форма исследования личных доказательств – допрос и его правила.

Многие гражданско-правовые сделки в силу прямого указания закона должны быть облечены в письменную форму. Одного желания сторон для возникновения правоотношения недостаточно. Эти правоотношения возникают только после письменного оформления согласованных условий сделки и предшествующие устные договоренности сторон значения иметь не будут (речь не идет о случаях несовпадения

воли и волеизъявления сторон). При рассмотрении внутренней структурной организации источника письменного доказательства, очевидно, что закрепление, сохранение и воспроизведение (извлечение) информации происходит исключительно в рамках предмета материального мира.

В соответствии с действующим в гражданском судопроизводстве принципом непосредственности, суд обязан стремиться к тому, чтобы сведения о необходимых для разрешения спора фактах были получены из первоисточников. И если предположить, что письменные доказательства относятся к виду личных и их источником является человек, то суд, руководствуясь принципом непосредственности, изначально должен исследовать объяснения лиц – составителей документов, а не материальный носитель информации. Становится очевидным, что в этом случае самостоятельная природа письменных доказательств утрачивается вовсе.

Не возникает сомнений в том, что источником объяснений сторон, третьих лиц и свидетельских показаний является человек. И очевидно, если человек, как источник этих средств доказывания, отсутствует, то и не существует данных средств доказывания. В то же время, рассматривая в качестве источника письменного доказательства человека, можно убедиться в том, что его отсутствие вовсе не является препятствием для того, чтобы суд исследовал письменное доказательство.

Таким образом, представляется, что объективно существующие отличительные особенности источника заключения эксперта и письменных доказательств не позволяют отнести эти средства доказывания к личным доказательствам. Рассмотренная выше точка зрения на природу источника судебного доказательства позволяет отнести к личным доказательствам объяснения сторон и других юридически заинтересованных в исходе дела лиц, а также показания свидетелей ввиду устойчивой (неразрывной) внутренней организации источника и его исключительно субъективного характера.

¹ Использование понятия «предметные доказательства», по нашему мнению, позволит избежать разночтений и уточнений при рассмотрении вещественных доказательств в «широком» и в «узком» смысле. Предметным будет являться доказательство, источником которого выступают предметы, вещи, объекты материального мира. Отметим, что, рассматривая вопрос о классификации доказательств по признаку их процессуальной формы, А. А. Власов называет средства доказывания как самостоятельный тип (термин автора) доказательств, не разделяя

их в зависимости от носителя информации на предметные и личные (*Власов А. А.* Гражданское процессуальное право: Учебник. М., 2003. С. 165–167).

² *Гольмстен А. Х.* Учебник русского гражданского судопроизводства / Под ред. и с предисловием д-ра юрид. наук, зав. каф. гражданского процесса МГУ М. К. Треушников, д-ра юрид. наук, зав. каф. гражданского процесса КубГАУ Ю. А. Поповой. Краснодар, 2004.

³ Гражданский процесс: Учеб. для юридических институтов и факультетов / Под общ. ред. К. С. Юдельсона. М., 1972. С. 180.

⁴ *Коломыцев В. И.* Письменные доказательства по гражданским делам. М., 1978. С. 9.

⁵ Советский гражданский процесс / Отв. ред. К. И. Комиссаров, В. М. Семенов. М., 1988. С. 186.

⁶ *Курылев С. В.* Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969. С. 177–180.

⁷ Гражданское процессуальное право России: Учеб. для вузов / Под ред. М. С. Шакарян. М., 2002. С. 258.

⁸ *Решетникова И. В.* Гражданский процесс: Учебник / Отв. ред. В. В. Ярков. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 222.

⁹ *Осокина Г. Л.* Гражданский процесс. Общая часть. М., 2004. С. 594–595.

¹⁰ Гражданский процесс. Общая часть: Учебник / Под общ. ред. Т. А. Беловой, И. И. Колядко, Н. Г. Юркевича. М., 2000. С. 330–331 (автор главы – О. Н. Здрок).

¹¹ *Треушников М. К.* Судебные доказательства. М., 2004. С. 98. В процессуальной теории поставлен вопрос о том, насколько обоснованно включение в состав средств доказывания в качестве самостоятельных видов звуко- и видеозаписи, который в данной работе мы не обсуждаем. *Коваленко А. Г.* Институт доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве. М., 2002. С. 79–80.

¹² См., например, Советский гражданский процесс: Учебник / Под ред. Р. Ф. Каллистратовой. 2-е изд., с изм. и доп. М., 1990. С. 89–90 (автор главы – И. П. Гриппин); *Коришнов Н. М., Мареев Ю. П.* Гражданский процесс: Учеб. для вузов. М., 2004. С. 170; *Тихиня В. Г.* Гражданский процесс: Учебник: В 2 т. Минск, 2002. Т. 1. С. 187.

¹³ *Козлов А. С.* О концептуальности теории доказательств в юрисдикции // Актуальные проблемы теории юридических доказательств: Сб. науч. тр. Иркутск, 1984. С. 19.

¹⁴ Гражданский процесс / Отв. ред. И. А. Чечина и Д. М. Чечот. М., 1968. С. 163.

¹⁵ *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. Изд. 16-е, испр. / Под ред. проф. Н. Ю. Шведовой. М., 1984. С. 222.

¹⁶ *Курылев С. В.* Указ. соч. С. 170.

¹⁷ Там же. С. 174.

¹⁸ Там же. С. 177–180.

Поступила 21 февраля 2006 г.